

Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура

БРУНО ЛАТУР

Профессор, директор, Медиалаборатория, Институт политических исследований (Sciences Po). Адрес: 27 rue Saint-Guillaume, 75337 Paris, Cedex 07, France. E-mail: bruno.latour@sciencespo.fr.

Ключевые слова: «сильная программа»; агентность; причинность; самореферентность; недоопределенность; цепочка ассоциаций.

Статья является ответом на полемическую реплику Дэвида Блура. Отвечая на критику, Бруно Латур признает правомерность аргументов ее автора, но не самой позиции — специфического извода эмпиризма. Латур указывает на ряд асимметрий между оппонентами, обращаясь к истории распространения и роли «сильной программы» во Франции. Он повторяет те пункты, в которых, по мнению Блура, он исказил его социологию. Во-первых, то, что Блур вопреки декларациям лишает объекты реального влияния. Во-вторых, Блур устраняет агентность объектов, опираясь на собственное понимание причинности: два полноценных и изолированных друг от друга типа причинности (природная каузальность и самореферентность социального) и один недоопределенный, «юмовский» тип, связывающий (но на самом деле разделяющий) вещи и представления. Согласно автору, проект Блура остановился в развитии. В его основе лежит противоречивый ход: природа и общество, вещи и представления, объект и субъект сначала разделя-

ются, а потом связь между ними обь- является проблематичной. По мнению автора, Блур остается в плену эмпиризма Юма и Канта.

Напротив, в динамично развивающейся акторно-сетевой теории подчеркивается неработоспособность подобных различий и переносится акцент на исследование цепочек ассоциаций различных сущностей, наделенных всеми тремя типами причинности. Автор поясняет связь своего словаря, критикуемого Блуrom, с эмпирической задачей следовать за этими цепочками ассоциаций. Словарь позволяет трансформировать проблематику социологии и приступить к объяснению того, как в одних и тех же процессах конструируются и природа, и общество, а не отталкиваться от их оппозиции как стартовой точки. В завершение своего ответа автор обращается к сравнению критического потенциала обеих исследовательских программ в контексте сопротивления натурализации и абсолютизму, а также делает заявление об отказе от обобщенного принципа симметрии.

ДЛЯ начала я хотел бы поблагодарить Дэвида Блура за основательное и честное прочтение моей работы. Со свойственной ему строгостью, в живом аналитическом стиле он суммировал многие из тех трудностей, что я встретил, двигаясь прочь от традиции, для создания которой он сделал так много.

В результате — опустошающая критика. Когда все хорошо, социология, которая делается в Центре социологии инноваций¹, — не более чем традиционная социология научного знания, только изложенная причудливым языком. Там же, где мы пытались улучшить традицию, мы лишь умножили неясности и впали в наивный реализм. Наконец, моя позиция морально, этически и, хотя Дэвид и немногословен на этот счет, политически реакционна, коль скоро я не предлагаю способа защитить общественность от притязаний победителей, претендующих на то, что их интерпретация природы выше любых конвенций. В итоге все, что я сделал, — это «обскурантизм, возведенный в ранг общего методологического принципа»². Вдобавок я обвинен в полном непонимании социологии научного знания и пособничестве худшим врагам исследований науки, ведь представил позицию Эдинбургской школы в карикатурном виде: «[Латур] принадлежит к множеству тех, кто, подобно авторам сборника „Бегство

Перевод с английского Александра Писарева по изданию: © *Latour B. For David Bloor and Beyond // Studies in the History and Philosophy of Science. Part A.* 1999. Vol. 30. № 1. P. 113–129. Публикуется с любезного разрешения автора.

Этот ответ написан по итогам письменного семинара с докторантами в Центре социологии инноваций. Класс был разделен надвое: одни защищали социологию акторно-сетевой теории, другие (включая меня!) — текст Блура. Я благодарю всех за энергичную защиту занятой позиции. Также я благодарю Изабеллу Стенгерс и Эрика Франкура за комментарии к этому ответу.

1. *Centre de sociologie de l'Innovation* — исследовательский центр при Горной школе Парижа, созданный в 1967 году. Здесь в 1980–1990-е годы работали ключевые для акторно-сетевой теории фигуры: Мишель Каллон и Бруно Латур. — *Прим. пер.*
2. См. статью Дэвида Блура «Анти-Латур» в настоящем номере «Логоса». С. 109.

от науки и разума“...»³ Если не считать это последнее суждение, бесполокво полемическое (хотя оно могло бы даже помочь моему положению в научных войнах!), после статьи у меня (как и у моих докторантов!) осталось отчетливое ощущение, что с нашим проектом социологии науки покончено. Центр социологии инноваций тоже можно было бы закрыть.

Думаю, Дэвид прав во всем, что он написал. Исходя из его точки зрения, нельзя по-другому рассматривать мою работу или работу многих моих коллег, которые более или менее быстро оставили первые попытки Эдинбургской школы понять науку. Проблема, разумеется, в том, что точка зрения Дэвида не подходит для оценки нашей работы. То, что он принимает за главные источники неясности, для всех нас является основанием нашей претензии на аналитическую ясность.

Наши методологии достаточно различны, чтобы разница высветила как коллективно достигнутое за последнюю четверть века, так и то, что еще предстоит сделать. Именно поэтому я решил попытаться ответить на обвинения Дэвида. В конце концов, в наши времена научных войн такое прояснение может быть полезно, коль скоро я всегда предупреждал своих коллег из социологии научного знания, что их упрямство в следовании традиционной социологии приведет нас прямоком в руки научных воинов. Что и произошло в итоге. Я рад воспользоваться предоставленным случаем, чтобы продемонстрировать, как мало согласия в этой области, названной анти-наукой. Один мой друг, ученый, поначалу с подозрением отнесшийся к исследованиям науки, облегченно вздохнул, когда понял, что мы все не согласны друг с другом. «Да вы такие же, как мы!» — сказал он. И это правда.

1. Некоторые асимметрии между дискутирующими

Прежде чем перейти к сути дела, я бы хотел указать на асимметрии между участвующими в дискуссии.

Первая заключается в том, что я всецело в долгу перед Дэвидом. Его принцип симметрии, его «сильная программа» позволили мне и многим моим коллегам во Франции освободиться от безраздельного господства французских эпистемологов. Последние культивировали историю науки совершенно виговского тол-

3. Там же. С. 128.

ка⁴, что сделало для них невозможным продуктивное обращение к новой англо-американской истории науки, находившейся тогда в расцвете. Позиция Дэвида по-прежнему не имеет себе равных⁵ как способ выйти из ситуации, созданной французскими эпистемологами, которые построили свою карьеру на *различии* объяснений истинного знания и ложных убеждений.

Вторая асимметрия тесно связана с первой и заключается в том, что я на протяжении десяти лет переводил, публиковал, преподавал, обсуждал и защищал идеи социологии научного знания. Я знаю их досконально, а результатом этой работы стали три толстые книги, вышедшие на французском языке при моем и Мишеля Каллона участии⁶. Дэвид же, напротив, лишь недавно узнал о нашем существовании. Насколько можно судить, у него не было времени, чтобы примерить странные принципы, разработанные нами, к какой-нибудь конкретной эмпирической ситуации, за исключением разве что вторичных примеров из истории, связанных с Луи Пастером (тема, в которой я тоже не новичок). Когда мы с Мишелем Каллоном решили оставить социологию научного знания, это вовсе не было блажью, а имело серьезные причины, и появились они вскоре после того, как мы потратили несколь-

4. В широком смысле телеологическое представление истории как неуклонное прогрессивное движение к настоящему. В контексте истории науки «виговская история» — это история успешных теорий и экспериментов. Каждое событие интерпретируется с точки зрения вклада в общий прогресс науки и приближение к текущему состоянию знаний. Термин «виговская история» был предложен в 1931 году британским историком Гербертом Баттерфилдом в книге «Виговская интерпретация истории». — *Прим ред.*
5. Достаточно одного взгляда на исследования Гастона Башляра, чтобы оценить вклад «сильной программы» в историю науки как дисциплину. О сложностях, возникших у французов с принципом симметрии, см.: *Pestre D. Pour une histoire sociale et culturelle des sciences. Nouvelles définitions, nouveaux objets, nouvelles pratiques // Annales. Histoire, Science Sociales. 1995. Vol. 50. № 3. P. 487–522.* Хотя сейчас ситуация гораздо лучше (частично благодаря работам Доминика Пестра и Кристиана Ликоппа), это все еще болезненная тема, что достаточно эффектно продемонстрировал недавний переполох в Париже вокруг «дела Сокала».
6. В 1982 году мы перевели книгу Дэвида (*Bloor D. Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie. P.: Editions Pandore, 1982*), затем опубликовали две книги (*Callon M., Latour B. La Science telle qu'elle se fait. Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise. P.: Editions Pandore, 1982; Callon M., Latour B. Les Scientifiques et leurs alliés. P.: Editions Pandore, 1985*), одна из которых была частично переиздана (*Callon M., Latour B. La science telle qu'elle se fait. Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise / M. Callon, B. Latour (eds). P.: La Découverte, 1991*).

ко лет на исследования повседневных практик ученых, инженеров и политиков. Когда Дэвид использует слово «эмпирический», я склонен думать, что каждый из нас понимает его по-своему, — но об этом позже.

Третья асимметрия более трудна для меня. Я непрерывно менял свои темы, исследовательские поля, стиль, концепты и словарь и измарал много бумаги. Дэвид же не продвинулся ни на йоту, повторяя в своих текстах слово в слово то, что было столь сильно заявлено в его первой книге. С одной стороны, это упрощает мне задачу, ведь можно взять его статью против меня как репрезентативный пример его мысли, но, с другой стороны, это затрудняет мою защиту, ведь мне сложно определиться с тем, какая статья, глава или книга лучше представляет мою позицию. Было бы соблазнительно заявить, что единственные источники, пригодные для цитирования и обсуждения, — это статьи или книги, над которыми я работаю *сейчас*, но, соглашусь, это было бы плохим ходом. По сравнению с Дэвидом я чувствую себя как муха, непрерывно кружащая на вершине Эдинбургской скалы. Я не удивлен, что Дэвиду трудно понять, что мог бы значить градиент от неустойчивости к стабильности⁷. У эмпирической работы есть такое беспокойное свойство — заставлять тебя делать все возможное и невозможное, лишь бы следовать за происходящим на практике. Это делает меня движущейся мишенью.

Четвертая, и последняя, асимметрия: хотя Дэвид критикует только меня, сам я всегда считал, что выступал от имени и многих других исследовательских направлений. Если работы Блур и Барри Барнса легко читаются как компендиум Эдинбургской школы, то корпус работ, на который я опираюсь и который сейчас вынужден защищать, включает в себя значительную часть исследований науки и технологий. К примеру, Эндрю Пикеринг мог бы стать объектом критики по той же причине, а его «вальцы практик»⁸ так же далеки от социологии научного знания, как и акторная сеть Мишеля Каллона, космополитика Изабеллы Стенгерс или символический интеракционизм Ли Стар. А как быть с этнометодологией, столь радикально отличающейся от дюркгеймианства,

7. Блур Д. Указ. соч. С. 92–93.

8. Дэвид мог бы сравнить перемены, произошедшие между первой (*Pickering A. Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics. Chicago: University of Chicago Press, 1984*) и второй (*Idem. The Mangle of Practice: Time, Agency and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1995*) книгами Эндрю Пикеринга, со сделанными мной ходами: он бы заметил, что во многих отношениях они были параллельны.

с которым Дэвид отождествляет всю социологию? В своей работе я в равной мере отталкивался как от принципов методологии Майкла Линча, так и от таковых Дэвида, не говоря уж о новых волнах исследований науки, связанных с Аннмари Мол и Джоном Ло⁹. Но Дэвиду не по душе и новые волны, и расширение философской традиции дальше Витгенштейна, и глубокое преобразование социологии.

Все это делает дискуссию неравной. С одной стороны, короткий список канонических работ, опирающихся на небольшой корпус книг — Эмиль Дюркгейм и Мэри Дуглас. С другой стороны, вал работ, философская традиция, в которой есть все: от Платона до Донны Харауэй, — и социологическая традиция, включающая в себя все школы от Огюста Конта до Энтони Гидденса. Когда Дэвид пишет, что «нет никакого следующего „поворота“» и что «идеи Латура — это не путь вперед, а, наоборот, шаг назад»¹⁰, мне на ум приходит образ густых и запутанных зарослей — множества разнообразных работ, и это вовсе не тексты ортодоксальной социологии научного знания, которую я оставил, сделав якобы неверный поворот. Во всяком случае это уж точно не самодовольно описанная ситуация¹¹ противостояния единодушной толпы критиков и одинокого аутсайдера, если не сказать больше — предателя! Правда в том, что после столь многих поворотов и маневров «исследования науки» уже десять лет как выбрались из тесных рамок, в которых их хотел бы удержать Дэвид. «Сильная программа» была полезна и по-прежнему направлена против немногочисленных оставшихся эпистемологов. Но она стала препятствием для развития исследований науки.

Далее я покажу, почему у нас было достаточно причин, чтобы без колебаний отправить ее на покой.

9. Я всегда обращал внимание на тесные связи между философией (*Latour B. Stengers' Shibboleth // Stengers I. Power and Invention. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997*), новшествами в социологии (такими как представленные в книге: *Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. L.: Routledge, 1985*) и изменениями в понимании тела вроде тех, что были инициированы работами: *Haraway D. J. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Chapman and Hall, 1991*; *Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. Vol. 24. № 4. P. 641–672.*

10. *Блур Д. Указ. соч. С. 88.*

11. Там же. С. 105.

2. Обвинение в искажении социологии научного знания

Самое серьезное обвинение против меня (я буду говорить от первого лица, раз Дэвид выбрал меня своей мишенью, но, разумеется, отстаиваемые мной взгляды принадлежат не только мне) сводится к тому, что я искажил эдинбургские догматы и обошелся с ними так же несправедливо, как худшие из критиков. С этим можно разобраться довольно быстро, ведь Дэвид добросовестно повторяет даже в более сильной форме те самые пункты, по которым я критиковал его позицию.

Первый — роль объекта в эдинбургском методе объяснения. Я никогда не говорил, что Блур идеалист, но утверждал, что его позиция является развитием кантианской с той лишь разницей, что — благодаря поправкам Дюркгейма — место *Ego* заняло общество *sui generis* (см. следующий пункт). Дабы отвести это обвинение, недостаточно сказать, что объекты играют роль якоря для наших представлений о мире, как в знаменитом параллелограмме сил, который Дэвид использовал в своей книге 1976 года и в который он, что невероятно, еще верит¹². Достойный восхищения результат стабильности! Вопрос заключается в том, чтобы понять, какую роль играют объекты.

Какого рода агентностью обладают объекты, когда заставляют нас изменять свои представления о них? Прочити Дэвида:

В рамках «сильной программы» никогда не было необходимости или тенденции отрицать тонкость и богатство наблюдаемого учеными или отрицать, что оно *играет важную роль в формировании и поддержании представлений*¹³.

Например, вещи *стимулируют* наши органы чувств. <...> Столь же очевидно, что вещи воздействуют на нас одновременно множеством способов, как явных, так и едва различимых¹⁴.

12. Это продемонстрировано в новом издании (*Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 32*). В своей статье Дэвид критикует меня за *непонимание* того, что наука не является игрой с нулевой суммой. Возможно, мои познания в физике малы, но параллелограмм сил можно прочесть только одним способом: если на оси, обозначенной как «предшествующее убеждение», нет никакой силы, то результирующая будет *равна* силе на оси «опыт», и *наоборот*. Это я и называю игрой с нулевой суммой.

13. Блур Д. Указ. соч. С. 99.

14. Там же. С. 100. Курсив мой. — Б. Л.

Они также способны создавать «аномалии» в наших схемах интерпретации и т. д. Если составить список всех ролей, которые вещи или чувственные данные играют в нарративах социологии научного знания, вы будете поражены ничтожностью их вклада. В точности как у Канта и по тем же причинам вещи в себе нужны, чтобы уберечься от идеализма, наполнить феномены — место встречи наших категорий и ноуменов — чем-то вроде сопротивления, начинки (*stuffing*). Они как хозяева на вечеринке, где все угощения превращены умом (читай — обществом) в знаки, и они здесь не для того, чтобы подкрепиться, и уж точно им не завернут остатки еды с собой.

Если бы я хотел предложить наиболее щадящее прочтение позиции Дэвида, я бы сказал: «Хорошо, давайте предположим, что этого достаточно, чтобы объяснить „принуждение“ со стороны мира (если использовать выражение Уильяма Джемса¹⁵); немного, но лучше, чем ничего, как у типичных идеалистов». Следующий вопрос: позволено ли этим объектам *влиять* (*make difference*) на наше мышление о них? Ответ, который дает Дэвид и раз за разом повторяют все последователи этой традиции, даже эмпирически ориентированные вроде Стивена Шейпина, Саймона Шеффера¹⁶ и Гарри Коллинза, категорическое «нет». Вещей всегда недостаточно: недостаточная детерминация (недоопределенность) — их единственный способ влиять на наши представления. Именно эту позицию я раскритиковал, и, если это ставит меня в один ряд с худшими врагами исследований науки, так тому и быть. Нет смысла настаивать на верности абсурдной позиции только потому, что ее атакуют еще более недалекие противники.

Когда Дэвид приводит пример электрона, становится ясно, в чем проблема:

Как только мы поймем это [что Милликен верит в электрон, а Эренгафт — нет], станет ясно, что «сам» электрон в известном

15. James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking followed by The Meaning of Truth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. P. 112.

16. Шеффер использует против меня в точности те же аргументы, что и Блур, и они точно такие же непродуманные. Шеффер *неравномерно* распределяет источники неопределенностей, так что все неопределенности остаются на стороне людей, а чувственные данные остаются совершенно нейтральными. См.: Schaffer S. The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour // Studies in History and Philosophy of Science. 1991. Vol. 22. P. 174–192.

смысле выпадает из этой *ситуации*, потому что является *общим фактором для двух разных реакций и причиной различия*, которое нас интересует¹⁷.

Соглашусь: нас интересуют различия. Но пусть кто-нибудь мне объяснит, что значит, что объект играет роль, *если он не вносит никаких различий*. Когда на сцене кто-то или что-то играет роль (более того, «ведущую», «ключевую», «решающую» роль, что важно для отвода обвинений в идеализме), то это должно что-то менять. Если же это ничего не меняет на протяжении всей пьесы, то я бы сказал, что это элемент декораций или, как выражаются французы, просто свадебный генерал. Это ничего не значит. Пожалуйста, не говорите мне, что нечто играет роль и не имеет никакой роли, проводит различия и ничего не различает, присутствует, а затем *выпадает из ситуации*.

Это первый технический пункт расхождения, и уклониться от ответа на этот вопрос не получится. Моя схема позиции Дэвида схватывает именно кантианский характер объектов как якоря наших представлений: две позиции на *одинаковом* расстоянии от чувственных данных¹⁸. «Электрону в себе» не разрешается значить больше. Об этом я и говорил. Согласен, это не идеализм, и я никогда не утверждал такого. По Канту, это «трансцендентальный идеализм», который соединяется, как он обстоятельно объясняет, с «эмпирическим реализмом»¹⁹. Да, вещам в себе отведена роль — провести различие между «эмпирическим идеализмом» (убеждение, что реальность эфемерна) и «трансцендентальным идеализмом» (убеждение, что наука схватывает вещи в себе). Единственная роль вещей в себе — различать философские школы, а это

17. Блур Д. Указ. соч. С. 103. Курсив мой. — Б. Л.

18. Эта схема есть в: Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. С. 168. Если геометрии можно довериться, то это прекрасная схема позиции Дэвида. Она ничего не говорит о Дэвиде как идеалисте: вещи есть, как у Канта, но они не вносят никаких различий, каждая позиция (истинная или ложная) *равноудалена* от нейтральной природы вещей. Трудно быть более точным, особенно когда читаешь подобное: «Эти процессы [фильтрации, отбора и т. д.], являющиеся коллективными достижениями, в конечном счете следует отнести к свойствам познающего субъекта. Вот где на сцену выходит социолог» (Блур Д. Указ. соч. С. 97). Кант выступал на этой сцене два века назад, что, в общем-то, неудивительно — он ее и построил!

19. См.: Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2006. В275 слл.

между тем центральная проблема, связанная с Кантом: понятия лишены субстанции и нужны лишь для проведения различий между одинаково сомнительными позициями! Дэвид, конечно, знает, что решение Канта было раскритиковано, как только он его опубликовал. Оно было частью нововременной установки (*modernist settlement*), державшейся, пока не начали изучать науку. Эта установка провалилась, когда наука подверглась внимательному изучению со стороны исследований науки. Подробнее об этом — в последней и наиболее существенной части моего ответа.

Обратимся ко второму обвинению, согласно которому я неверно понял Эдинбургскую школу. Ответить на него будет даже еще проще, ведь Дэвид на той же странице высмеивает мой тезис, что социология науки его типа плодит «произвольные конструкции, обусловленные интересами и требованиями общества *sui generis*»²⁰. Менее чем через страницу он спокойно повторяет — даже в более убийственной манере — свой тезис о том, что присущая обществу причинность самореферентна, и это объясняет обязательную силу конвенций. Вот что я называю «уловкой двойного чучела»: заявить, что вместо реальной позиции несправедливо раскритиковали фиктивную, чтобы скрыть, что реальная позиция даже ничемнее того чучела, на которое ее подменили! Если Дэвид или Барри Барнс смогут объяснить мне, в чем разница между «самообеспечением» (*bootstrapping*) и *sui generis*, я с радостью внесу поправки. Пока же буду придерживаться своей совершенно точной характеристики Эдинбургской школы: при определении общества она эксплуатирует худший из изъянов теории Дюркгейма, — взятый у Канта и перешедший прямоком к Мэри Дуглас, — самореферентную природу общества. Я согласен, что не следует смешивать «конвенцию» и «произвольность». Но если вещи никак не влияют на наше мышление о них (см. выше), то мне позволительно прибегнуть к этой маленькой полемической уловке. У Канта решение было: разум. У Блур нет такой возможности. Система представлений должна регистрировать мир без того, чтобы сам мир играл сколько-нибудь значимую роль, кроме своего безмолвного присутствия и неустранимости. Единственное оставшееся решение — конвенция, которая будет меняться только по произвольным причинам. Согласен, это не так уж обязательно — структурализм Леви-Стросса или «эпистемы» Фуко предлагают иные решения, но все они из одной лодки, и лодка эта, зафрахтованная Кантом, подобно «Титанику», лишь кажется непотопляемой: на деле она утонула в первом

20. Блур Д. Указ. соч. С. 129 (здесь он цитирует меня).

же эмпирическом плавании. Вещи вносят больше различий и играют более значимую роль, нежели роль призываемых в случае необходимости свидетелей того, что философ (или социолог) был несправедливо обвинен в идеализме.

Только читая критику Дэвида, я понял, что именно всегда было таким странным в эдинбургской манере мышления: оно использует три типа причинности, очень неравномерно распространенных и распределенных согласно онтологической классификации сущностей.

1. В не-социальной природе (что за странный способ выражения) действуют причинные связи классического типа — целиком сциентистского.
2. В социальной природе работают причинные связи первого типа и вдобавок самореференция дюркгеймовского типа (мы создаем общество, поражающее нас полным реализмом того, что не было сотворено, тем самым стирая различие между объектом и субъектом).
3. И наконец, есть третий, странный тип причинности. Можно назвать его кантианским или, лучше, юмовским. Он связывает нейтральные чувственные данные и системы представлений людей. Именно этому *и только этому* типу не позволено стать полноценной причинностью, и он всегда остается недоопределенным:

«Соответствие» или «несоответствие» реальности — это *не* каузальные отношения, которыми совокупности представлений связаны со своими референтами. У представлений действительно есть каузальные связи с вещами в мире, но они не схватываются словами «соответствие» и «несоответствие». Ни одно из этих отношений не является ни *подлинной*, ни натуралистически определяемой связью, существующей самостоятельно²¹.

Так мы приходим к распределению типов причинности в соответствии с областями реальности (клин между ними будет объяснен в следующем разделе).

Все в природе — раз Дэвид осторожен настолько, что сделал общество частью природы, — может быть объяснено каузально. Лишь электронам «самим по себе» запрещено быть причиной их интерпретаций нами, и неважно, насколько ученые при-

21. Там же. С. 97. Курсив мой. — Б. Л.

писывают электронам влияние и причинность по отношению к тому, что сами говорят о них. То, что столь нелепое распределение форм агентности сочли приемлемым, — самая странная, на мой взгляд, черта нововременной установки. Конечно, исторически и антропологически это вполне объяснимо²². Но то, что можно придерживаться такой позиции в течение двадцати лет, не осознавая ее проблематичности, означает, что системы представлений могут приобретать иммунитет к противоречивым им аномалиям, — что, соглашусь, вполне в духе эдинбургской оценки роли данных. По крайней мере, их не обвинишь в непоследовательности!

Я оставляю в стороне обвинение в неправильном понимании релятивизма. Оно не так важно, как два других, тем более я не возражаю против отстаиваемого Дэвидом определения релятивизма как противоположности абсолютизма²³. Мое собственное определение связано с иной, более важной, на мой взгляд, проблемой. Она противостоит и абсолютному релятивизму (который втягивает в спор вроде тех, что так обожают Дэвид), и относительному релятивизму (или реляционизму). Последний связан с эмпирической задачей — проследить установления отношений. К политическому аспекту релятивизма я вернусь в последнем разделе.

Итак, я полностью оправдан за слова о том, что Эдинбургская школа запрещает вещам играть роль в наших системах представлений и опирается на определение социальной причинности как причинности *sui generis* (или самореферентной), которая все вопросы интерпретации записывает в разряд конвенций (или «произвольности», что более спорно). А на случай, если возникнут сомнения, статья Дэвида любезно предоставит мне все необходимое, чтобы снова повторить свой тезис:

Интересной теоретической задачей является соединение этой модели социального института [самообеспечения] с социологической идеей о том, что *все* знание имеет характер социального института²⁴.

22. Я начал исследование более длительной истории, или мифологии, этой странной конфигурации. См.: Latour B. Socrates' and Calicles' Settlement, or the Invention of the Impossible Body Politic // Configurations. 1997. № 2. P. 189–240.
23. См.: Блур Д. Определение релятивизма / Пер. с англ. П. А. Сафронова // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXX. № 4. С. 16–31. — Прим. пер.
24. Блур Д. Анти-Латур. С. 126.

Как любезно подсказывает Дэвид²⁵, я бы назвал такое сочетание болезнью социологизма, отягощенного всеми изъятиями кантианства.

3. Что должно послужить инструментом исследования, а что — темой?

Этим, полагаю, завершается полемическая часть моей статьи, что позволяет мне начать основную часть. Я постараюсь сделать ее краткой, поскольку много работы уже было проделано над всеми этими метафизическими аспектами и поскольку я хочу сосредоточиться на причинах того, почему Дэвид не может увидеть очевидные для всех нас ограничения.

Одно примечательное предложение из его статьи объясняет, по-моему, все:

Только сохраняя различие между субъектом и объектом и *вбивая клин* между природой самой по себе и ее описаниями, сделанными познающим субъектом, нам удастся подчеркнуть *проблематичность* этих описаний²⁶.

Дэвид не осознает странную «замкнутость на себя» (*bootstrapping*) этого предложения. Как если бы он говорил: если вы «раскальваете» что-то надвое, то потом будет «проблематично» соединить получившиеся части в одно целое. Разумеется, ответ — «да»! Но тогда вопрос в том, зачем ввязываться в странное и противоречивое занятие по разделению того, что затем намереваются соединить²⁷. Только человек Нового времени возьмется за такое, и прогресс исследований науки можно измерить по тому, как легко мы замечаем странность этой позиции, которая еще двадцать лет назад казалась совершенно очевидной.

Я насчитал в тексте примерно двадцать пять случаев того, как Дэвид вбивает клин между объектом и субъектом. Неудивительно, что данные сделали проблематичными, раз их порубили в фарш. И ему хватает смелости продолжить процитированное выше предложение так:

25. Там же. С. 93.

26. Там же. С. 104. Курсив мой. — Б. Л.

27. Я начал исследование этого критического жеста. См.: *Latour B. A Few Steps Toward the Anthropology of Iconoclastic Gestures // Science in Context. 1997. Vol. 10. P. 63–83.*

Те, кто *не* замечает, что субъект и объект по-разному участвуют в этом процессе, прокладывают путь заблуждению [вспомните, объекту не разрешается играть какую-либо роль, так что это лишь способ избежать обвинений в идеализме. — Б. Л.]. Они убеждают нас в том, что *переход* от объекта (при данном описании) к реакции субъекта на него (в терминах того же описания) как будто бы *не проблематичен*. Дело в том, что для них и нет никакого *реального* перехода²⁸.

Столетие назад Уильям Джемс посмеялся над всеми эпистемологами, которые, разверзнув пропасть между словами и вещами, не придумали для того, чтобы связать их, ничего лучше «сальтомортале» над этой зияющей пропастью. Он назвал собственную позицию «обходной» (*deambulatory*) теорией истины, потому что в ней не нужно было перепрыгивать ни посредника, ни переход²⁹. То, что Джемс делал концептуально, мы сделали эмпирически, и, возможно, именно я несу ответственность за большинство терминов в дисциплине, делающих этот переход, этот обход наблюдаемым, реалистичным и документируемым: запись, визуализация, перевод, испытания, посредничество, имена действия, черный ящик, историчность вещей и т. д. Но я, разумеется, не один: все исследовательское поле ориентировано на то, чтобы сделать переход видимым³⁰. То, что Дэвид не замечает этого, ничего не говорит о нашей работе, зато многое — о том, какую власть нововременная установка может иметь над умами, даже если речь идет о первых практиках исследований науки. Дэвид принимает лишь один-единственный разрыв (рис. 1, в центре), в то время как мы умножаем разрывы по всей цепочке ассоциаций. Он же преспокойно заявляет нам, что мы «прокладываем путь заблуждению». Да, мы прокладываем путь, но путь к посредничествам! Дэвид хочет сохранить субъект-объектный раскол, несмотря на его недостатки, не отдавая себе отчет, что это часть проблемы, а не решения. Он мог бы воскликнуть, как один из воображаемых противников Джемса: «Дуализм — это основа основ: не дайте человеку воссоединить то, что Бог создал порознь!»³¹

28. Блур Д. Анти-Латур. С. 104. Курсив мой. — Б. Л.

29. James W. Op. cit. P. 245.

30. Один из примеров проблематизации «перехода»: Latour B. The “Pedofil” of Boa Vista: a Photo-Philosophical Montage // Common Knowledge. 1995. Vol. 4. P. 144–187. Или другой недавний пример: Goodwin C. Seeing in Depth // Social Studies of Science. 1995. Vol. 25. P. 237–284.

31. James W. Essays in Radical Empiricism. L.: University of Nebraska Press, 1996. P. 36.

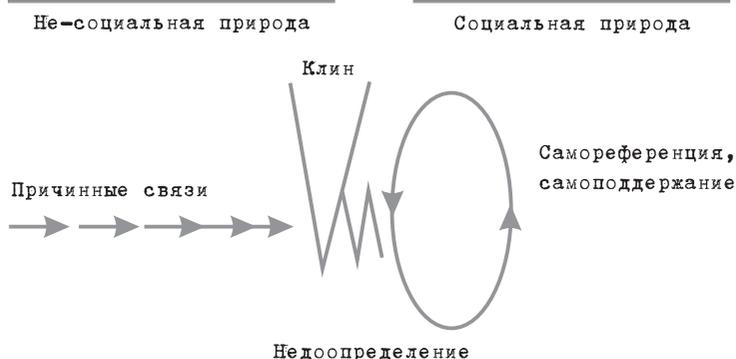

Рис. 1. Есть два типа натуралистических объяснений: для не-социальной природы, где правит причинность, и для социальной природы, где преобладает ситуативный (ad hoc) тип самореферентной причинности; между ними — разрыв, который ни причинность, ни самореференция преодолеть не могут, и он определяется как «игровой роль», без того чтобы «влиять на что-либо»

Блур, конечно, совершенно прав, говоря, что мы не можем тематизировать каждое понятие и что одни следует использовать как средства, а другие — как темы. Стратегия любой исследовательской программы состоит в том, чтобы распределять темы и средства наиболее разумно и продуктивно и, я бы добавил, быстро двигаться и менять курс достаточно часто для того, чтобы удерживать стратегическую цель на протяжении многих эмпирических ходов. Блур даже достаточно честен, чтобы признать, что я тематизировал именно то понятие (вместе со всеми производными), которое он выбрал своим ключевым инструментом. Но он не понимает, что именно этот выбор и является источником всех неясностей, усмотренных им в том, что я делаю, и что его решение, хотя и всецело заслуживающее уважения, делает его совершенно некомпетентным для того, чтобы судить мое. Он даже считает постыдной странностью мою неспособность отличить «природу» от «представлений о природе». Он утверждает:

Латур систематически не различает природу и представления о природе. <...> Как будто ему трудно различать эти вещи³².

32. Блур Д. Анти-Латур. С. 95. Курсив мой. — Б. Л.

Да, мне весьма трудно убедить себя в пользу создания артефакта ради того, чтобы добраться до фактов. Настаивая на необходимости различения, которое я всегда стремился подорвать, Блур ставит себя в один ряд с самыми реакционными философами науки, настаивающими, что исследования науки хороши, пока придерживаются эпистемологических вопросов и оставляют совсем без внимания — то есть оставляют ученым! — онтологические. Писать, как он, что «объяснению подлежит не природа, а разделяемые нами представления о природе»³³ или что «важно разделять мир и описание мира актором»³⁴, — значит грубо исказить идею науки, то, за что борются все ученые (включая нас). Как любит говорить Изабелла Стенгерс, когда социолог встречается ученого такими претензиями, «это означает войну» — научную войну³⁵.

Исследователи, учреждающие разрывы, чтобы создавать проблематичные соединения, не вправе судить работу тех, кто следует соединениям, которые ученые и инженеры устанавливают в соответствии с тем, что они (а не философы) считают проблематичным. Первые уничтожают данные, которые последние хранят в неприкосновенности для внимательного исследования. Они разрубают данные надвое, мы защищаем их от повреждений. Если ученые раз за разом настаивают на том, что не проводят никакого устойчивого различия между природой и представлениями о ней, и если вся их работа направлена на то, чтобы добиться уверенности, что их представления — не репрезентация, а работа с онтологией, — если все так, то у нас не хватит духа (это правда) делить то, что они говорят, надвое, а потом искать клей, чтобы воссоединить половинки их интервью. Нет, мы не вбиваем никаких клиньев, разве что между нововременной установкой и ее практикой³⁶.

Все философские трудности Нового времени вызваны этим *double bind*: учредить разрыв и, сделав соединение проблематичным, попытаться залатать его. Это нигде так ясно не проявляется, как в наследии эмпиризма, который, как вы помните, заставил Канта построить свой замок заблуждений. Статья Дэвида хорошо проясняет, что не так в определении эмпиризма, унаследованном нами от Джона Локка. Дэвид пишет:

33. Там же. С. 94.

34. Там же. С. 101.

35. См. заглавие в: *Stengers I. Cosmopolitiques. Tome I: La guerre des sciences. P.: La Découverte; Les Empêcheurs de Penser en Rond, 1996.*

36. *Latour B. A Few Steps Toward the Anthropology of Iconoclastic Gestures.*

Культивирование эмпирической чувствительности может быть полезным инструментом. Концентрация внимания на том, что может быть *воспринято зрительно* или как-то иначе, способствует осознанию *разрыва* между объектами и их описаниями³⁷.

А ранее, говоря о Пастере, он описывает его как «наблюдателя»: «тонкость его работы проистекает из детальности его *наблюдений*»³⁸. Вот где коренятся все различия между нами. Несмотря на двадцать пять лет исследований науки, Блур так и не понял, что ученые не наблюдают и не всматриваются в мир. Они гораздо сильнее включены в судьбу не-людей. Научная практика — это единственное место, где не работает субъект-объектное различие.

Используя случай Пастера как пример, Дэвид повторяет различие между чувственными данными (или, по крайней мере, нейтральным словарем³⁹, необходимым для описания входящих данных из мира) и интерпретациями. Он даже берет пример, очень близкий к тому, что изучал я в статье, которую он цитирует, не понимая ее основной посыл⁴⁰. В безупречно эдинбургском стиле он противопоставляет «красноватое порошкообразное вещество» и систему представлений⁴¹. Естественно, красноватое вещество делается достаточно нейтральным или достаточно юмовским, чтобы не быть причиной различий между Луи Пастером, Казимиром Давеном и Робертом Кохом. Откуда же появляются различия? *Через черный вход самореферентного социального*: никакого другого входа нет, раз Дэвид исключил иные формы взаимодействия и включенности в мир. Затем он заявляет, что мое решение абсурдно или равносильно наивному реализму, поскольку вместо этого разделения нейтрального словаря и самореферентной конвенции я позволил микробам «самим» принять участие в дискуссии и *провести различие* между Кохом и Пастером.

Ключевое различие между нами можно условно изобразить с помощью схемы на рис. 2.

37. Блур Д. Анти-Латур. С. 103. Курсив мой. — Б. Л.

38. Там же. С. 92.

39. Там же. С. 102.

40. Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // Common Knowledge. 1996. Vol. 5. № 1. P. 76–91.

41. Блур Д. Анти-Латур. С. 102.

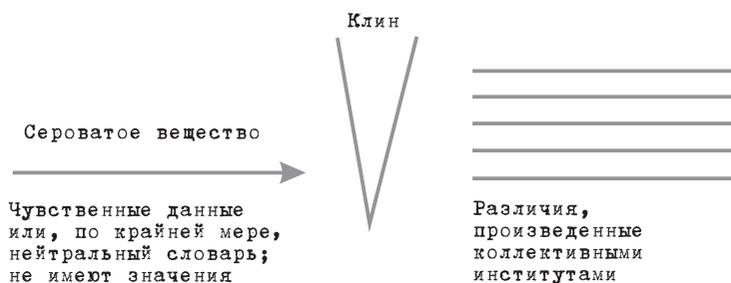

Рис. 2. Эмпиризм в стиле Блур. Согласно его определению, эмпиризм состоит в чувственных данных, обеспечивающих нейтральное описание, которое не играет никакой роли; различия появляются, когда мы обратимся к другой стороне созданного клином раскола между объектом и субъектом — к институтам общества

Что бы сделал я вместо этого? Я позволил бы Пастеру самому прийти к «сероватому веществу» и связать его со многими другими вещами: в первую очередь с экспериментальной средой, обнаруживающей присутствие фермента. Но, как я детально показал в комментариях к его статье, Пастер является частью самого спора между эмпиризмом и рационализмом и беспокоится о том, создает ли он факты или же факты самостоятельны. Таковы вопросы, которые поднимают ученые и за которыми могу следовать я, потому что не больше, чем сами ученые, провожу различие между субъектом и объектом. Дэвид же призывает нас оставить эти вопросы, чтобы подменить их его собственными философскими трудностями. Существование нейтрального словаря, одинакового в лаборатории Пастера и (в случае моего исследования) в лаборатории Юстуса фон Либиха, в котором «сероватое вещество» «безразлично» или «нейтрально», — совершенно натянутая или вымученная. «Сероватое вещество» в лаборатории Пастера не *то же самое*, что у Либиха, просто потому, что Пастер выстроил весь свой эксперимент с целью сделать это вещество видимым, позволить «чувственным данным» *произвести различие* и найти для него место, чтобы опровергнуть всю химическую теорию Либиха. Мои исследования как раз показали ошибочность идеи, что одно выделенное эмпирическое свойство (чувственные данные) может быть нейтральным и ничего при этом не различать, не играть никакой роли. Меня всегда озадачивало различие между первичными и вторичными качествами, которое по причинам, совершенно чуждым современной моральной, политической и технической ситуации, в XVII–XVIII веках ввели в философию Декарт,

а затем Локк и его последователи. Для меня полная загадка, почему мы должны придериваться того, что Альфред Уайтхед назвал бифуркацией природы.

На следующей схеме (рис. 3) можно сопоставить мое решение с решением Дэвида.

Таким образом, мой подход к этому случаю и в самом деле отличается от подхода Дэвида: сыграть роль позволено любой из действовавших в лаборатории Пастера сущностей — от императора до «сероватого вещества». Ни одна из них не является сугубо каузальной, и каждой позволено стать источником различия. Ни одна из них не является всего лишь посредником (*intermediary*), и каждая выступает медиатором (*mediator*). Каждая сущность, человек и не-человек, частично самореферентна. Вся метафизика, которую Дэвид находит такой темной, обусловлена необходимостью следовать этим цепочкам ассоциаций. В центральных разделах своей статьи Дэвид смеется над моими нелепыми попытками использовать «энтелехии», «актанты» и «монады», чтобы по-новому говорить об этом эмпирическом мире. Он не замечает, что каждая из сущностей, с которыми я имею дело, обладает всеми тремя типами причинности, которые сам он удерживает тщательно разделенными. Каждая из них самореферентна (подобно обществу в его схеме), включена в причинно-следственные связи (как в его не-социальной природе) и недостаточно детерминирует следующую за ней в серии (как в его концепции разрыва между чувственными данными и интерпретацией). Вместо распределения трех типов причинности по разным онтологическим областям (по одной на не-социальную природу, социальную природу и их связь) я приписываю их всем сущностям. Это и позволило мне по-новому взяться за вопрос о том, из чего сделаны общество и природа. Я утверждаю, что этот вопрос стал доступен эмпирическому изучению лишь после того, как был сделан этот методологический ход.

Уверен, можно сделать лучше, чем сделал я, но я также убежден, что для этого придется проработать всю философскую традицию, дабы избежать абсурдных вещей вроде сущностей, «играющих роль» и «выпадающих из ситуации», или самореферентных сущностей, которые при этом ни субъективны, ни объективны, или же сущностей, которым причинность приписывается в соответствии с каким-то непродуманным типом натурализма. Если сравнить оба типа «неясностей» и подвести черту под эмпирической продуктивностью обеих исследовательских программ, то, по моему, не останется сомнений в том, что эмпиризм Дэвида никуда не годится.

Цепочка ассоциаций Пастера			
Париж	Биологическая лаборатория	Сероватое вещество	Рационализм
Цепочка ассоциаций Либиха			
Мюнхен	Химическая лаборатория	Побочный продукт фермента	Антивитализм

Рис. 3. Эмпиризм в стиле Латура. Сравниваются не-социальные различия с нейтральными чувственными данными, а длинные цепочки ассоциаций включают психологические, идеологические, когнитивные, социальные и материальные сущности, многие из которых — не-человеческие агенты. Каждый элемент в этих цепочках принимает значение, сообщаемое ему соседними элементами

Мера его непонимания метафизики становится еще более явной там, где Дэвид считает, что понимает меня⁴², соглашаясь, что в отдаленном будущем натурализм доберется даже до социального полюса и что Пастер и его микробы окажутся сложенными из электронов, фотонов, атомов и мозговых волн! Это, конечно, метафизика, но в самом наивном виде. Может, супруги Черчленд и могли бы поверить в такую бессмыслицу, но нет ничего более далекого от того, как мы определяем актанты. Они не в природе и не в обществе (не в языке). Эта идея — будто можно решить проблему за счет самой бедной и сциентистской метафизики электронов, атомов, фотонов и мозговых волн — окончательно сделала ясным то, что я давно подозревал: Эдинбургская школа даже не приблизилась к пониманию философской оригинальности исследований науки. Ее метафизика — на уровне материализма Вольтера. То, что ее сторонники имеют в виду под натуралистическим исследованием, вдохновляется тем же типом природы, что и сциентизм. Несмотря на множество работ по эмпирической метафизике, опубликованных в журнале *Social Studies of Science*, который издается в Эдинбурге тем же структурным подразделением, им даже не пришло на ум, что можно было бы тематизировать само определение агентности материи.

Степень непонимания еще нагляднее в сноске 68, где Дэвид иронизирует над моей идеей «позволить актерам определять исследователя». Он вполне прав. Всю философию Изабеллы Стенгерс можно вывести из этого маленького предложения, над ко-

42. Там же. С. 107.

торым он, по его мнению, иронизирует, говоря «то, для чего я не вижу никаких оснований»!⁴³ Что ж, если бы Дэвид зашел в лабораторию, то заметил бы очевидное: любой ученый, заслуживающий этого звания, основательно переопределялся акторами, с которыми имел дело. Это верно и для исследователей науки, во всяком случае для меня. Если он не понимает этого, то остается мало надежды на то, что Эдинбургская школа вернется в мейнстрим исследований науки⁴⁴. Цель науки в том и заключается, чтобы сделать не-человеков, благодаря изобретательности лаборатории, релевантными тому, что мы о них говорим. Это, очевидно, предполагает, что для исследователя даже немислим вопрос, который бы не был заново переведен в экспериментальной неразберихе, в которой и ученый, и исследуемый объект (не говоря уж об остальном обществе) были бы переформатированы. Именно это я и показал на примере Пастера, чем весьма горжусь. И если это выглядит как старая добрая социология научного знания, то тем лучше.

4. Борьба против абсолютизма

Нет никакой нужды продолжать здесь эту тему. Читатели могут обратиться к литературе, указанной в сносках, и самостоятельно оценить, насколько разными предстают наши работы, если взглянуть на них сквозь призму наших интерпретаций эмпиризма. Впрочем, за многие годы я усвоил, что все методологические вопросы основаны на метафизике и что в сердце любой метафизики лежит моральная или политическая проблема. На самом деле научило меня этому то, что я много работал со старой доброй Эдинбургской школой, а также похожая дискуссия между Каллоном и мной, с одной стороны, и Коллинзом и Йерли⁴⁵ — с другой. Я бы хотел завершить этот ответ вопросом политики.

43. *Stengers I. Power and Invention.*

44. Одним из объяснений может быть то, что Дэвид Блур получил образование в области психологии — дисциплины, не славящейся большим уважением к упорству субъекта. В психологической лаборатории приобретают дурные привычки: например, никогда не испытывать принуждения к переформулировке своих вопросов из-за коварной способности субъектов вести себя как объекты, которыми можно управлять. Обо всем этом см.: *Idem. Cosmopolitiques. T. I: La guerre des sciences.*

45. См. дискуссию в: *Science as Practice and Culture / A. Pickering (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1992.* Эта первая дискуссия во многом параллельна нынешней, кроме того, что Дэвид гораздо искреннее заинтере-

Дэвид считает мою позицию реакционной — «шаг назад», как он выразился. Он думает, что, только *одинаково удаляя* обе стороны всех научных споров от доступа к вещам самим по себе, можно поддержать определенную цивилизованность, так как мы коллективно избежим абсолютизма. Его версия релятивизма, с упором на конвенциональное структурирование нейтрального воздействия вещей на общество, защитит нас от злоупотреблений властью со стороны некоторых ученых, которые не только утверждают, если им не противостоять, что обладают интерпретацией природы, но и что природа такова, какой они ее представляют. Дэвид сравнивает себя с философом права⁴⁶, настаивающим, что тезисы обеих сторон спора лишены абсолютных оснований и что они должны разрешить разногласия цивилизованно и скромно. Мою позицию он считает реакционной, коль скоро она разрушает различие между конвенцией и природой самой по себе, а потому (в случае поражения в дискуссии от более сильной интерпретации) не оставляет возможности для апелляции. Я оказываюсь в лагере абсолютистов, и он толкует пассаж из «Науки в действии» так, будто я оставляю всякие попытки помочь слабым защититься от абсолютизма.

Это серьезное обвинение, особенно если учесть, что в этом пассаже я обвиняю его в том же! Иными словами, я утверждаю, что различие между Природой и Обществом делает невозможной *регистрацию* разных асимметрий, производимых цепочками ассоциаций при встрече друг с другом. Именно ради регистрации этих многочисленных различий мы были вынуждены подорвать различие между природными и социальными (или конвенциональными) объяснениями.

У меня нет определенного ответа на это, и, вероятно, как когда-то в прошлом, мне нужна помощь Блура. Вопрос, с которым мы оба столкнулись, заключается в том, какие именно исследования науки смогут удержать гражданское общество наиболее открытым в противостоянии постоянной угрозе абсолютизма, одним из видов которого является абсолютизм самой природы. Научные войны сделали этот вопрос даже более настоятельным. Вот каким мне видится положение дел.

соевался нашим предприятием и попытался понять его беспристрастнее. Полезным в этой связи было бы чтение реферативного сообщения Жерара де Вриза: *De Vries G. Should We Send Collins and Latour to Dayton, Ohio?* // *EASST Review*. 1995. Vol. 14. P. 3–10.

46. Блур Д. Анти-Латур. С. 116.

Апелляция к одинаково конвенциональному характеру всего научного знания не только эмпирически ошибочна, она и политически бессмысленна. Как выразительно сформулировала Изабелла Стенгерс, любой исследователь науки, который входит в лабораторию и спокойно заявляет, ничем не рискуя, что эпистемологический и онтологический вопросы всегда будут различаться и что вещи — не более чем нейтральные и безмолвные партнеры в наших дискуссиях, будет оттуда выставлен. И поделом⁴⁷. Если у исследований науки такая повестка, я не хочу в них участвовать, и если это шаг назад, то шаг из тюрьмы к свободе. И так, учреждение разрыва между конвенциональностью и нейтральностью чувственных данных — это жалкое оружие против абсолютизма. В действительности это даже *поощряет* абсолютизм в виде новой порции постмодернистских допущений в духе «все сойдет», к которым Дэвид, как и я, питает отвращение, но которым он тем не менее содействует, отказываясь исследовать их метафизические корни. То, что Дэвид отваживается называть эмпирической чувствительностью, я бы назвал эпитомой «политической нечувствительности». Критическая борьба против натурализации провалилась, и ее следует оставить позади вместе со всем критическим проектом (но это уже другой вопрос)⁴⁸.

Моя альтернатива — полностью переработать исток понятия «природы». Это понятие необходимо тематизировать. Абсолютизм был разработан с помощью именно природы⁴⁹. Это долгая история и задача не из легких, хотя многие элементы уже распутаны — особенно антропологами⁵⁰, но и многими исследователями науки (включая Шейпина и Шеффера, которым я, вопреки словам Блуря, выказал уважения больше, чем они сами!). Я не до конца уверен в том, куда это нас ведет, но уверен в одном: ни одна позиция, принимающая субъект-объектное различие как средство, даже приблизительно нам не подходит. Мы дол-

47. Stengers I. L'Invention des sciences modernes. P.: La Découverte, 1993; *Idem*. Cosmopolitiques. Tome I: La guerre des sciences.

48. Latour B. Petite réflexion sur le culte moderne des dieux Faitiches. P.: Les Empêcheurs de penser en rond, 1996.

49. Первую попытку см. в: *Idem*. To Modernize or to Ecologize, That Is the Question // Remaking Reality: Nature at the Millenium. L.: Routledge, 1998. P. 225–246.

50. Чтобы оценить быстрое продвижение симметричной антропологии, освобожденной от власти дюркгеймианского понятия культуры, см.: Nature and Society. Anthropological Perspectives / P. Descola, G. Palsson (eds). L.: Routledge, 1996.

жны быть новаторами именно там, где, по мнению Дэвида, нам следует уютно устроиться и оставить дальнейшие вопросы. Внимательное исследование природы не осуществимо, если мы с самого начала верим в природу как сам собой разумеющийся фон всех наших допущений о ней. Именно из-за провала программы Дэвида в этом пункте мы были вынуждены оставить первый принцип симметрии (а теперь, рад сообщить, и обобщенный принцип симметрии)⁵¹.

Кому-то может показаться невероятным, но исследования науки развиваются, движутся вперед и процветают, и, хотя я и предпочел бы пользоваться плодами дальнейшей работы Дэвида в этой дисциплине, я не стану хранить верность рассудительным нелепостям только потому, что это больше соответствует традиции. Наш девиз «Следуйте за самими агентами!» не для послушных. Ради него мы жертвуем всем. Это важнее любой дисциплинарной лояльности и всех требований придерживаться здравого смысла. Я всегда считал провал «сильной программы» *felix culpa*, то есть желанной ошибкой, обнаружившей дефекты в понятии социальной конструкции, принадлежащем исследователям социального, и критическом дискурсе в целом. Я благодарен Дэвиду за то, что он еще раз показал мне, куда двигаться дальше: в сторону от позиции, которую он так твердо защищает.

Библиография

- Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Bloor D. Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie. P.: Editions Pandore, 1982.
- Callon M., Latour B. Les Scientifiques et leurs alliés. P.: Editions Pandore, 1985.
- De Vries G. Should We Send Collins and Latour to Dayton, Ohio? // EASST Review. 1995. Vol. 14. P. 3–10.

51. См.: Latour B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; понятия пропозиции и артикуляции делают избыточным понятие симметрии. Эта работа, подчеркивающая различия между субъект-объектной дихотомией и отношением человек/не-человек, прояснит, я надеюсь, большинство технических трудностей, которые Дэвид (как и я) нашел в моем принципе обобщенной симметрии. (Добавлено после знакомства с ответом Блура: симметрия (ограниченная или обобщенная) двух артефактов может быть лишь временной конструкцией; как только артефакты распадаются, симметрия больше не нужна.)

- Goodwin C. Seeing in Depth // *Social Studies of Science*. 1995. Vol. 25. P. 237–284.
- Haraway D. J. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. N.Y.: Chapman and Hall, 1991.
- James W. *Essays in Radical Empiricism*. L.: University of Nebraska Press, 1996.
- James W. *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking followed by The Meaning of Truth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975.
- La science telle qu'elle se fait. *Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise* / M. Callon, B. Latour (eds). P.: Editions Pandore, 1982.
- La science telle qu'elle se fait. *Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise* / M. Callon, B. Latour (eds). P.: La Découverte, 1991.
- Latour B. A Few Steps Toward the Anthropology of Iconoclastic Gestures // *Science in Context*. 1997. Vol. 10. P. 63–83.
- Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // *Common Knowledge*. 1996. Vol. 5. № 1. P. 76–91.
- Latour B. For David Bloor and Beyond // *Studies in the History and Philosophy of Science*. Part A. 1999. Vol. 30. № 1. P. 113–129.
- Latour B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Petite réflexion sur le culte moderne des dieux Faitiches*. P.: Les Empêcheurs de penser en rond, 1996.
- Latour B. Socrates' and Callicles' Settlement, or the Invention of the Impossible Body Politic // *Configurations*. 1997. № 2. P. 189–240.
- Latour B. Stengers' Shibboleth // Stengers I. *Power and Invention*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. vii–xix.
- Latour B. The "Pedofil" of Boa Vista: a Photo-Philosophical Montage // *Common Knowledge*. 1995. Vol. 4. P. 144–187.
- Latour B. To Modernize or to Ecologize, That Is the Question // *Remaking Reality: Nature at the Millenium* / B. Braun, N. Castree (eds). L.: Routledge, 1998. P. 225–246.
- Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. L.: Routledge, 1985.
- Mol A., Law J. *Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology* // *Social Studies of Science*. 1994. Vol. 24. № 4. P. 641–672.
- Nature and Society. Anthropological Perspectives* / P. Descola, G. Palsson (eds). L.: Routledge, 1996.
- Pestre D. Pour une histoire sociale et culturelle des sciences. *Nouvelles définitions, nouveaux objets, nouvelles pratiques* // *Annales. Histoire, Science Sociales*. 1995. Vol. 50. № 3. P. 487–522.
- Pickering A. *Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Schaffer S. The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1991. Vol. 22. P. 174–192.
- Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1992.

- Stengers I. *Cosmopolitiques. Tome I: La guerre des sciences*. P.: La Découverte; Les Empêcheurs de Penser en Rond, 1996.
- Stengers I. *L'Invention des sciences modernes*. P.: La Découverte, 1993.
- Блур Д. Определение релятивизма // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30. № 4. С. 16–31.
- Кант И. *Критика чистого разума*. М.: Эксмо, 2006.
- Латур Б. *Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.

FOR DAVID BLOOR... AND BEYOND: A REPLY TO DAVID BLOOR'S
"ANTI-LATOUR"

BRUNO LATOUR. Professor, Director, Médialab, bruno.latour@sciencespo.fr.
Institut d'Etudes Politiques de Paris (Sciences Po), 27 rue Saint-Guillaume, Paris,
Cedex 07 75337, France.

Keywords: Strong Program; agency; causality; self-referential; underdetermination;
chain of associations.

This article is a response to the arguments proposed by David Bloor. In response to Bloor's criticism, Bruno Latour acknowledges Bloor's arguments but does not accept the foundations of Bloor's position, which is based on a certain version of empiricism. Latour points to several asymmetries between the opponents while drawing on the history and role of the Strong Program in France: he explains the asymmetries in their positions, in their empirical experiences, and in their knowledge of each other's writing. He also reviews those points that, according to Bloor, Latour had incorrectly reproduced. This includes Bloor's claim that objects do not have agency. This claim, in turn, stems from an understanding of causality that is threefold: natural causality, the self-referentiality of the social, and a separate type of causality described by David Hume, which connects (or divides) things and their representations.

In fact, the dynamically evolving actor-network theory stresses that such divisions are not helpful, and that we should pay attention to chains of associations between different entities that embody all three types of causality. The author explains the connection between his vocabulary (which is criticized by Bloor) and the empirical task of following the chains of associations. This, in turn, allows us to go beyond the idea of opposition as a starting point, and to transform the objects of sociology with the aim of explaining how the same processes construct both nature and society. In conclusion, the author compares the critical potential of each of these research programs in a context of resistance against naturalization and absolutism. The author also proposes to reject a generalized principle of symmetry.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-135-160

References

- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*, Chicago, University of Chicago Press, 1991.
- Bloor D. Opređenje relativizma [Definition of Relativism]. *Epistemologija i filozofija nauke* [Epistemology and Philosophy of Science], 2011, vol. 30, no. 4, pp. 16–31.
- Bloor D. *Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie*, Paris, Editions Pandore, 1982.
- Callon M., Latour B. *Les Scientifiques et leurs alliés*, Paris, Editions Pandore, 1985.
- De Vries G. Should We Send Collins and Latour to Dayton, Ohio? *EASST Review*, 1995, vol. 14, pp. 3–10.
- Goodwin C. Seeing in Depth. *Social Studies of Science*, 1995, vol. 25, pp. 237–284.
- Haraway D. J. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*, New York, Chapman and Hall, 1991.
- James W. *Essays in Radical Empiricism*, London, University of Nebraska Press, 1996.
- James W. *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking followed by The Meaning of Truth*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1975.

- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft], Moscow, Eksmo, 2006.
- La science telle qu'elle se fait. Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise* (eds M. Callon, B. Latour), Paris, Editions Pandore, 1982.
- La science telle qu'elle se fait. Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise* (eds M. Callon, B. Latour), Paris, La Découverte, 1991.
- Latour B. A Few Steps Toward the Anthropology of Iconoclastic Gestures. *Science in Context*. 1997, vol. 10, pp. 63–83.
- Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid. *Common Knowledge*, 1996, vol. 5, no. 1, pp. 76–91.
- Latour B. For David Bloor and Beyond. *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A*, 1999, vol. 30, no. 1, pp. 113–129.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Latour B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Petite réflexion sur le culte moderne des dieux Faitiches*, Paris, Les Empêcheurs de penser en rond, 1996.
- Latour B. Socrates' and Callicles' Settlement, or the Invention of the Impossible Body Politic. *Configurations*, 1997, no. 2, pp. 189–240.
- Latour B. Stengers' Shibboleth. In: Stengers I. *Power and Invention*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1997, pp. vii–xix.
- Latour B. The “Pedofil” of Boa Vista: a Photo-Philosophical Montage. *Common Knowledge*, 1995, vol. 4, pp. 144–187.
- Latour B. To Modernize or to Ecologize, That Is the Question. *Remaking Reality: Nature at the Millenium* (eds B. Braun, N. Castree), London, Routledge, 1998, pp. 225–246.
- Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*, London, Routledge, 1985.
- Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. *Social Studies of Science*, 1994, vol. 24, no. 4, pp. 641–672.
- Nature and Society. Anthropological Perspectives* (eds P. Descola, G. Palsson), London, Routledge, 1996.
- Pestre D. Pour une histoire sociale et culturelle des sciences. Nouvelles définitions, nouveaux objets, nouvelles pratiques. *Annales. Histoire, Science Sociales*, 1995, vol. 50, no. 3, pp. 487–522.
- Pickering A. *Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics*, Chicago, University of Chicago Press, 1984.
- Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency and Science*, Chicago, University of Chicago Press, 1995.
- Schaffer S. The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour. *Studies in History and Philosophy of Science*, 1991, vol. 22, pp. 174–192.
- Science as Practice and Culture* (ed. A. Pickering), Chicago, Chicago University Press, 1992.
- Stengers I. *Cosmopolitiques. Tome I: La guerre des sciences*, Paris, La Découverte; Les Empêcheurs de Penser en Rond, 1996.
- Stengers I. *L'Invention des sciences modernes*, Paris, La Découverte, 1993.